

Наталья Михайловна Перетьяко

Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: naperetyatko@yandex.ru

Андрей Юрьевич Ерёмин

Адвокат Коллегии адвокатов Саратовской области «Вердикт»

E-mail: eremin-ne@yandex.ru

**Культура правоприменения при производстве
следственных действий**

Аннотация: *актуальность статьи обусловлена значением культуры правоприменения при производстве следственных действий, т. к. ее уровень влияет на качество расследования уголовного дела, дальнейшую его судебную*

перспективу, может привести к ограничению прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц. Авторами исследованы дискуссионные точки зрения относительно последствий нарушения процессуальной формы в уголовном судопроизводстве. Системное толкование норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, анализ правоприменительной практики позволили выявить некоторые ошибки, допускаемые правоприменителем, отдельные случаи нарушения процессуальной формы при проведении и фиксации следственных действий. Делается вывод о необходимости неукоснительного соблюдения законодательно установленных требований относительно формы следственного действия, поскольку они имеют принципиальное значение в плане выявления допустимости их результатов — доказательств, являются гарантией соблюдения законности в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: следственные действия, процессуальная форма, допустимость доказательств, критерии определения недопустимости доказательств, нарушения уголовно-процессуального закона, порядок производства следственного действия, фиксация следственного действия, права и законные интересы; лица, участвующие в уголовном деле.

Natalia Mikhailovna Peretyat'ko

*Chair of the Criminal Law and Procedure Department, Volga-region
Institute (the brunch) of the All-Russian State University of Justice
in Saratov, Candidate of Judicial Science, Associate Professor*

Andrej Yur'evich Eriomin

Advocate of the Bar Association "Verdict" in Saratov region

Law-Enforcement Culture in Conducting Investigative Action

Annotation: *the relevance of the article is caused by weight of the law-enforcement culture in conducting investigative action since its level influences the quality of crime investigation, its judicial perspective and can lead to limiting rights and law interests of the criminal case participants. The authors of the article research disputable points of view on the consequences of breaches in procedural pattern within crime judicature. System interpretation of the Russian Code of Criminal Procedure and analysis of law-enforcement practice let to find some mistakes made by law enforcement official and some cases of breaches in procedural pattern of making and recording investigatory actions. The authors conclude that it is necessary to follow strictly investigatory actions requirements set by law because they have principle meaning for testing admissibility of the results (evidences) which are the guarantee of observation lawfulness of criminal proceeding*

Keywords: *investigatory actions, procedural pattern, admissibility of evidences, criteria of testing inadmissibility of evidences, breaches of criminal-procedural law, order of investigatory actions, recording of investigatory actions, rights and law interests, participant of criminal case.*

Уровень культуры правоприменения при производстве следственных действий имеет большое значение, поскольку не только характеризует качество профессиональной подготовки должностных лиц правоохранительных органов, но и влияет на качество расследования уголовного дела,

дальнейшую его судебную перспективу. Отсутствие же культуры правоприменения может привести к ограничению прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц.

Известно, что надлежащий процессуальный порядок производства следственных действий имеет определяющее значение в плане выявления допустимости их результатов — доказательств. Именно в результате производства следственных действий формируются доказательства по уголовному делу. В ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сказано, что собирание доказательств осуществляется в результате производства следственных и иных процессуальных действий. Постулат о необходимости соблюдения в уголовном процессе процессуальной формы никем не оспаривается, напротив, презюмируется как характерный элемент процедурного права. В период действия советского уголовно-процессуального законодательства, одной из задач которого, как известно, была борьба с преступностью, и во имя ее достижения допускалось известное ограничение прав и свобод граждан, все же подчеркивалось особое значение процессуальной формы: «...в процессуальном праве значение правовой, именно процессуальной формы особенно велико в силу самой сущности уголовно-процессуального закона, уголовного судопроизводства. Тут строгое соблюдение, правильное применение, надлежащее использование процессуальной формы абсолютно необходимы для эффективного осуществления деятельности следственных органов, прокуратуры и суда, для достижения тех задач, которые стоят перед ними в области охраны законности и борьбы с ее нарушениями»¹.

И в настоящее время процессуальной форме законодатель уделяет повышенное внимание. Принцип законности (ст. 7 УПК РФ) содержит в себе и серьезные последствия его нарушения — «нарушение норм настоящего Кодекса... влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств». Запрет на использование недопустимых доказательств закреплен на высшем законодательном уровне — конституционном (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ). Как отмечает руководитель рабочей группы по подготовке УПК РФ Е. Мизулина, «признание того факта, что следователь в уголовном процессе не является беспристрастным следственным судьей, а выполняет процессуальную функцию обвинения, позволило обосновать ряд таких гарантий.. как ...введение института недопустимых доказательств...»². Таким образом, вопросы процессуальной формы и последствий ее нарушения относятся к числу важнейших и принципиальных гарантий уголовного судопроизводства.

Однако законодательная трактовка понятия недопустимости доказательств и открытый список видов таких доказательств (ст. 75 УПК РФ), в свою очередь, породили дискуссию относительно того, всякое ли нарушение процессуальной формы приводит к недопустимости доказательств либо только существенное. Разрешение этого вопроса в свою очередь приводило исследователей к следующей дискуссии — что же считать существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

¹ Уголовный процесс : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. М., 2017. С. 24–25.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2005. С. 1062.

Большинство ученых и практикующих юристов предлагали и предлагают признавать недопустимыми лишь те доказательства, которые получены с существенными нарушениями закона. Критериев для определения существенности нарушения два: повлияло ли или могло ли повлиять нарушение на достоверность полученной информации и могут ли быть устранены или восполнены процессуальными средствами допущенные нарушения. Авторы Концепции судебной реформы в Российской Федерации и некоторые представители процессуальной науки полагают, что любое нарушение закона при собирании доказательств делает их недопустимыми. Например, В. М. Савицкий выразил свою позицию по данному вопросу весьма категорично: «Велик соблазн пойти по пути классификации всех возможных нарушений на существенные и не очень и в зависимости от категории допущенного нарушения решить судьбу того или иного доказательства. Но этот путь крайне опасен. Он может косвенно благословить на так называемые незначительные нарушения закона, создать беспрецедентную иерархию обязательности процессуальных норм и в результате углубить и без того немалую эрозию законности в уголовном судопроизводстве. Нарушения всегда остаются нарушениями, и бороться с ними, я убежден, можно лишь одним способом: наказывать за нарушения признанием бесплодности, никчемности затраченных усилий»¹.

В свое время и нами отстаивалась точка зрения относительно того, что только существенные нарушения закона делают доказательства недопустимыми², приводя в качестве аргументов позицию законодателя по основаниям отмены приговора ввиду только существенных нарушений уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ), позицию Верховного Суда РФ, выраженную в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8, и т. п. Однако практика последних лет все чаще подтверждает справедливость точки зрения В. М. Савицкого. Нередко практические работники допускают упрощение процессуальной формы при производстве следственных действий, подмену одного следственного действия другим, формализм при их производстве и фиксации. Отдельные следователи практикуют только те следственные действия, которые не требуют временных и организационных затрат, значительной подготовки.

Так, например, по одному из уголовных дел следователь, проведя допрос потерпевшего, зафиксировал в протоколе факт опознания потерпевшим лица, совершившего на него нападение, при посещении последним следственного органа по вызову следователя. Провести такое следственное действие, как предъявление для опознания, следователь посчитал излишним, мотивируя это тем, что проведение опознания — это его право, а не обязанность и сам факт опознания зафиксирован в протоколе допроса. Безусловно, следователь как самостоятельная процессуальная фигура вправе определять перечень следственных действий, необходимых для производства в том или ином случае. Однако очевидно и то, что в процессе допроса не может быть установлена идентификация

¹ Савицкий В. М. Уголовный процесс на новом витке демократизации // Государство и право. 1994. № 6. С. 106.

² См., напр.: Перетяцько Н. М., Гришин А. И., Сергун П. П. Теоретические основы оценки доказательств в судах второй и надзорной инстанций / под общ. ред. П. П. Сергуна. Саратов, 2009. С. 15–18.

подозреваемого, допрос опознающего должен предварять предъявление для опознания, но не заменять его. На наш взгляд, подобные ситуации в практической деятельности являются следствием, в том числе, и ненадлежащей законодательной регламентации нормы, посвященной данному следственному действию. По справедливому замечанию В. М. Быкова, необходимо ввести в текст закона цель производства данного следственного действия — установление идентификации, т. е. решение вопроса о том, тот ли самый объект наблюдал ранее опознающий, который ему предъявили для опознания¹.

Особую тревогу вызывают случаи произвольного толкования уголовно-процессуального закона, допускаемые правоприменителем самого высокого уровня. Так, например, в «Методических рекомендациях по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме», утвержденных ФССП России 26.04.2013 № 04-7², в разделе III указано: «В ходе проведения проверки в порядке статей 144–145 УПК РФ дознаватель ФССП России вправе: ...2. Истребовать документы и предметы, производить их выемку в порядке статьи 183 УПК РФ». Однако в ст. 144 УПК РФ не закреплено право проведения выемки: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель... вправе ... истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом». Речь идет о процессуальном действии — изъятии, но не о следственном действии — выемке. В статьях, посвященных следственным действиям, разрешенным к производству в стадии возбуждения уголовного дела, об этом сказано отдельно. Так поступил законодатель, говоря об осмотре, освидетельствовании, назначении и производстве экспертизы. В ст. 183 УПК РФ, посвященной выемке, ничего не сказано о том, что ее можно проводить до возбуждения уголовного дела. Очевидно, следует скорректировать рекомендации относительно следственных действий, которые можно проводить в период проверки сообщений о преступлениях.

Не менее важна для определения допустимости доказательств надлежащая фиксация производства следственных действий. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в ст. 170 УПК РФ были внесены изменения относительно участия понятых в производстве следственных действий. Если понятые не участвуют в производстве следственных действий, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным. Законодатель использует недвусмысленную формулировку «фиксация хода и результатов следственных действий». Однако в практической деятельности встречаются ее своеобразные трактовки. Так, например, по одному из уголовных дел была осуществлена проверка показаний на месте с потерпевшими, свидетелями. Следователь лично осуществил «фиксацию хода и результатов следственных действий» посредством фотографирования на свой телефон участников следственного действия на месте происшествия. Как представляется, признать фиксацией хода и результатов проводимых следователем длящихся во времени следственных действий фотоаппаратом

¹ См.: *Быков В.М.* Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 59–69.

² См.: СПС «КонсультантПлюс».

нельзя, поскольку фотографии запечатлевают короткий миг и не обеспечивают важное условие фиксации — непрерывность. В рассматриваемом случае фототаблица свидетельствовала лишь об одном — участники следственного действия находились на месте, но понять, как происходило следственное действие, каковы его результаты, невозможно. В таких условиях у суда отсутствует возможность проверить законность проводимых действий и оценить их результаты. Безусловно, суд может в случае возникновения сомнений в достоверности следственного действия впоследствии допросить его участников, однако при этом теряется сам смысл технической фиксации — объективное и непредвзятое подтверждение хода и результатов следственного действия.

В целом, можно сказать, что практические работники, положительно восприняв рассматриваемые изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство относительно замены понятий техническими средствами фиксации, активно используют данную законодательную новеллу. Однако в результате смысл этой процедуры нередко утрачивается, подменяется формальным отношением, результаты нивелируются игнорированием (или незнанием?) элементарных правил криминалистической фотосъемки и видеозаписи. Как еще можно объяснить, что на фототаблице, отражающей результаты следственного осмотра типового многоэтажного панельного дома, не просматривается ни номер дома, ни номер подъезда, ни номер квартиры, ни даже номер почтового ящика?

Конечно же, грамотное, тактически выверенное производство следственного действия, его надлежащая фиксация требуют глубоких знаний уголовно-процессуального закона, криминалистики, а главное, временных и организационных затрат. Однако в условиях, когда около семидесяти процентов уголовных дел рассматривают в судах в особом порядке, без исследования доказательств, по мнению Генерального прокурора Российской Федерации, мы вправе требовать принципиально иного уровня законности¹.

Точное и скрупулезное соблюдение процессуального порядка производства следственных действий, их фиксации, надлежащая культура правоприменения — не дань теории, а надежная гарантия прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц. Следовательно отнесен законодателем к стороне обвинения, а функцией стороны обвинения, как известно и законодательно закреплено, является уголовное преследование, изобличение подозреваемого, обвиняемого. В таких условиях строгое соблюдение процессуальной формы производства следственного действия позволяет устранить все возможные сомнения в объективности следователя, служить надежной гарантией соблюдения законности в сфере уголовного судопроизводства, назначением которого является, в том числе, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Пристатейный библиографический список

1. Быков, В. М. Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. — 2005. — № 6. — С. 59—69.

¹ См.: Текст выступления Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на расширенном заседании коллегии по итогам работы прокуроров в 2017 году // Генеральная прокуратура РФ : официальный сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 23.04.2018).

2. Савицкий, В. М. Уголовный процесс на новом витке демократизации // Государство и право. — 1994. — № 6. — С. 96—107.

3. Текст выступления Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на расширенном заседании коллегии по итогам работы прокуроров в 2017 году // Генеральная прокуратура РФ : официальный сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 23.04.2018).

4. Уголовный процесс : учебник / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. М. : Юрайт, 2017. — 415 с.

5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М. : Юрист, 2005. — 1072 с.

References

1. Bykov, V. M. Fakticheskie osnovaniya proizvodstva sledstvennyh dejstvij po UPK RF [Actual grounds for conducting investigative actions according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation] // Zhurnal rossijskogo prava. — 2005. — № 6. — P. 59—69.

2. Savickij, V. M. Ugolovnyj process na novom vitke demokratizacii [Criminal Procedure on a new wrap of democratization] // Gosudarstvo i pravo. — 1994. — № 6. — P. 96—107.

3. Tekst vystupleniya General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii YUriya CHajki na rasshirennom zasedanii kollegii po itogam raboty prokurorov v 2017 godu [Textual passage of Yuriy Chajka's, Prosecutor General of the Russian Federation, performance at the meeting of board followed-up prosecutors' work during 2017 year.] // General'naya prokuratura RF : oficial'nyj sajt. URL: <https://genproc.gov.ru/> (data obrashcheniya: 23.04.2018).

4. Ugolovnyj process : uchebnik [Criminal Procedure : manual] / pod red. A. I. Bastykina, A. A. Usacheva. M. : YUrajt, 2017. — 415 p.

5. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii : uchebnik [Criminal Procedural law of the Russian Federation : manual] / отв. ред. П. А. Лупинская. — М. : YUrist, 2005. — 1072 p.